

6 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

7 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад Ф. М. Янкоўскі, прадм. М. Судніка. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1957. – 451 с.

8 Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: у 2 т. Т. 2: Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – “Яшчур” / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2006. – 832 с.: іл.

9 Рапановіч, Я. Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я. Н. Рапановіч. – 2-е выд., дап. і перапр. – Мінск: Вышэйшай школа, 1974. – 384 с.

10 Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск: БелЭн, 2005. – 784 с.

УДК 81.161.1:[398.9:17.025]

О. Н. Мельникова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КОМПОНЕНТОМ *ДОЛГ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье рассматривается реализация семантики слова **долг** в устойчивых словесных комплексах русского языка. Исходные представления, лежащие в основе внутренней формы лексемы **долг**, обуславливают её коннотативные особенности и находят свое выражение в специфике сочетаемости данного слова в русском языке.*

Слово *долг* относится к концептам, которые занимают одно из центральных мест в русской языковой картине мира, представляя собой ключевые понятия культуры, опорные точки менталитета народа. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – этимология слова, его история, современные ассоциации, оценки, коннотации.

За словом *долг* исторически закрепилось два значения, одно из которых раскрывает материально-предметные отношения между людьми (‘взятое взаймы’); другое представлено через значение слова *обязанность* (СРЯ 1, с. 422).

В устойчивых словесных комплексах чаще реализуется более конкретное значение ‘взятое взаймы’: *в долг (взять)* ‘с условием возврата, взаймы’ (*взять деньги в долг*); *жить в долг* ‘жить на занятые деньги, с последующей оплатой расходов’; *войти (влезть, залезть) в долги (долг)* ‘сделать много долгов или большой долг’; *в долгах по уши (по горло) быть (сидеть и т.п.)* ‘иметь большие долги’. В пословицах и поговорках компонент *долг*, как правило, реализует материально-предметную семантику. При этом внимание акцентируется на эмоциональных переживаниях, связанных с необходимостью возврата долга, сравн.: *Брать в долг – сладко, возвращать – горько. Долг не ревет, а спать не дает.*

Реализация более абстрактной семантики, синонимичной значению слова *обязанность*, также представлена во фразеологических единицах: *быть в долгу у кого или перед кем* ‘быть обязанным кому-либо в чем-либо’; *по долгу чего* ‘в силу вытекающих из чего-либо обязательств’ (*по долгу службы*); *не остаться в долгу у кого или перед кем* ‘оплатить тем же самым, тем же поступком, отношением’; *отдать последний долг кому* ‘проститься с умершим, присутствовать при его погребении’; *человек долга* ‘человек, честно и непреложно выполняющий свои обязанности’.

Во внутренней форме слова *долг* выявляется связь с пространственно-временными представлениями. Праславянское имя **dьlgъ* ‘долг’ характеризуется как слово с недос-

таточно ясной этимологией. По мнению большинства этимологов, наиболее вероятной представляется гипотеза о связи указанной лексемы с прилагательным **dylgь* 'длинный, долгий' (ЭССЯ 5, с. 180); таким образом, предполагается, что в понятие долга включалось представление о сроке. А. Брюкнер в качестве семантических параллелей, подтверждающих данное сближение, приводит лит. *ilges* 'дань' (т. е. 'то, что следует воздать; должное') и *ilgas* 'долгий, длинный' (Brückner, с. 90). А. Г. Преображенский также указывает на то, что *долг* и *долгий* 'longus' – одно и то же слово: долг – это то, чего ждут, выдерживают, терпят; сравн.: лат. *indulgeo* 'быть снисходительным' (первоначально: 'быть великодушным, долготерпеливым к чему-либо') (Преобр. 1, с. 188–189). По-видимому, в основе исходного значения слова *долг* лежит семантическая аналогия: протяженность, длительность пространственная и временная – постоянство, непреходящий характер моральной нормы, долга.

Понятие долга, необходимости обнаруживает ассоциативную связь с понятием времени и пространства постольку, поскольку они характеризуются общностью восприятия. Время и пространство существуют здесь и везде, сейчас и всегда, объективно, независимо от чьего-либо сознания. При этом «человек относительно свободен в пространстве, но подчинён объективному ходу времени» [1, с. 126]. Моральные нормы также мыслятся как существующие изначально, они вечны, непреходящи. Долг рассматривается как аналог логической необходимости, выраженной в нравственных требованиях, сравн.: *Не все должно, что можно* (Д 1, с. 461).

Данные представления находят свое выражение и в специфике сочетаемости данной лексемы. Так, достаточно устойчивыми в русском языке являются словосочетания *голос долга, повиноваться долгу, долг велит, веление долга*. Голос долга воспринимается как высшая инстанция, определяющая линию поведения человека, сравн.: *Признаюсь вам, мне было тяжело бороться с совестью; с одной стороны представлялось мне, что поджог тут обстоятельство совершенно постороннее, что самое преступление, как оно ни велико, содержит в себе столько наивных, столько симпатичных сторон; с другой стороны, вопиял иной голос – голос долга и службы, доказывавший мне, что я, как следователь, не имею права рассуждать и тем более соболезновать...* (М. Е. Салтыков-Щедрин, Губернские очерки). При этом часто подчеркивается, что велению долга подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели: *В самом главном, если будете со мной не согласны, то я все-таки сделаю, как мне долг велит* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, реконструируя представление о долге на основе употребления соответствующего существительного в русском языке, отмечают: «Долгом нельзя кого-либо *обременить*, его нельзя *принять на себя*, как обязательства. Долг можно в какой-то момент *осознать*, можно *счесть* что-то своим долгом, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался. Итак, долг просто не может отсутствовать. Можно отрицать наличие конкретной обязанности, но относительно долга можно утверждать только, что он состоит не в этом, а в чем-то другом» [2, с. 19]. По образному замечанию И. С. Тургенева, «у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга».

Таким образом, можно говорить о тесной связи модального значения долженствования с темпоральной семантикой. Ассоциативная связь этих значений обусловлена сходством в осмыслении времени и нравственной категории долга, которые мыслятся как объективно существующие, вечные, непреходящие. Как отмечает М. В. Попович, сознание человека архаической культуры стремится иметь целостную картину мира; «как и мораль, эта картина мира имеет не только объясняющий, но и нормативный характер, ибо из наличного положения вещей для человека архаической культуры следует также и то, что должно быть» [1, с. 13]. Эти особенности восприятия времени способствуют развитию модальной семы долженствования, необходимости, которая

свойственна некоторым темпоральным лексемам и чаще реализуется в сочетании с инфинитивом, сравн. *время идти, не время сидеть сложа руки, пора задуматься* и др..

При употреблении в тексте слово *долг* регулярно выступает в качестве синонима слову *обязанность*. Показательно в этом отношении толкование В. И. Даля: «*Общий долг человека вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина; исполнением этих обязанностей он в долгу, они составляют долг его, как взятые у кого деньги или вещи, или все то, чем обязан он, по обещанию или какому условию*» (Д 1, с. 461).

Однако, различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность*, как кажется, могут служить свидетельством различий стоящих за ними представлений. Прежде всего, отметим, что лексема *обязанность* регулярно сочетается с определениями, актуализирующими семантический признак тяжести, давления (*тягостные / обременительные обязанности*). При этом, если мы говорим, что человек делает что-то *по обязанности*, это часто означает 'неохотно': *Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению* (А. С. Пушкин). Сравн.: *Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо* (В. Г. Белинский).

Человек становится носителем обязанности в результате специального акта (сравн. *возложить / принять на себя обязанности*); исполнение обязанностей *поручают* кому-либо, обязанности могут *распределяться* между разными людьми.

Долг понимается как совокупность принципов, предписывающих человеку действовать в соответствии с его внутренними установками, общественными, профессиональными, морально-этическими и национальными нормами. Концепт *долг* относится к области абстракции, стоит в одном ряду с аксиологически значимыми концептами, сравн.:

И мы поймем, в сколь тонких дозах

С землей и небом входят в смесь

Успех и труд, и долг и воздух,

Чтоб вышел человек, как здесь (Б. Л. Пастернак, Волны)

Употребление слова *долг*, как правило, сопровождается положительными коннотациями, сравн.: *Не полюбивши долга, нельзя его исполнить* (И. А. Гончаров); *Долг – это любовь к тому, что сам приказываешь себе* (Л. Н. Толстой).

Таким образом, чувство долга является атрибутом личностного отношения к жизни. Исходные представления, лежащие в основе внутренней формы слова *долг*, обуславливают коннотативные особенности вторичной модальной семантики лексемы и её сочетаемостные возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Попович, М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев: Наукова думка, 1985. – 167 с.

2 Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 14–21.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Д – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1989–1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III.

Преобр. – Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. I–II.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984–1988. – Т. I–IV.

Фасм. – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер: Пер с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.

Brückner – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.

УДК 81'373-028.16(282):81'33:801.81:81'366.55:811.1/.8

К. І. Мізін

**ОСОБЛИВОСТІ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ КОНЦЕПТУ “РІКА”
ЗА ДОПОМОГОЮ УСТАЛЕНИХ ПОРІВНЯНЬ:
ЗІСТАВНО-ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ**
(На матеріалі англійської, німецької, української та російської мов)

В статті на основі методики «Модель лінгвокультурологічного сопоставлення фразеологічних систем» аналізуються особливості вербалізації концепта «река» в устійливих словосочетаннях українського, російського, англійського і німецького мов. Установлюється закономірна зв'язь мовних одиниць з представленнями про водні об'єкти, характерними для славянських і германських народів.

Мова людини, як, власне, і культура, є, з одного боку, універсальним явищем, а з другого, – національно-специфічним, тому логічним вважаємо вихід антропологічних досліджень за межі окремої культури в простір міжкультурний. Не дивно, що від лінгвокультурології, яка методологічно ще не оформилася до кінця як самостійна мовознавча дисципліна, відокремився протягом останніх десяти–п'ятнадцяти років новий напрям – зіставна лінгвокультурологія. З огляду на це ми започаткували низку розвідок, присвячених вивченню фразеологічних систем усталених порівнянь (УП) віддалено- та близькоспоріднених мов крізь призму п'яти кодів культури (антропоморфного, біоморфного, просторового, часового й артефактного), яке ґрунтується на актуальному нині зіставно-лінгвокультурологічному підході (див., напр.: [3]).

Наші дослідження здійснюються на основі методики “Модель лінгвокультурологічного зіставлення фразеологічних систем” (МЛЗФС), яка є шляхом / механізмом ідентифікації *tertium comparationis* при зіставленні фразеологічних систем [див. про методику ЕКЗ: 4, с. 132]. Суть МЛЗФС полягає у чіткій послідовності етапів зіставлення фразеологічних систем різних мов та в епістемологічній достатності ланцюга схеми МЛЗФС для лінгвокультурологічного дослідження. Схема МЛЗФС для компаративної фразеології має такий вигляд: *культурний код* ↔ *концептополе* ↔ *концепт* ↔ *КФО* ↔ *компаративне фразеополе*. Тому для цього дослідження релевантним є поняття “культурний код” як адекватний для зіставлення сегмент культури. Ураховуючи це, метою нашої розвідки є зіставно-лінгвокультурологічний аналіз усталених порівнянь англійської, німецької, української та російської мов, які вербалізують концепт “Ріка”, що належить до ландшафтного субкоду біоморфного коду культури. Апробація методики МЛЗФС свідчить про наукову новизну пропонованої статті.

Серед “водних” ландшафтних концептів базовими є “Океан”, “Море”, “Озеро”, “Ріка” та “Болото”. Проте істинно ландшафтним об'єктом є лише болото, а інші вважаються водоймищами. Всі названі концепти належать до концепту-гіпероніма “Вода”, від якого вони отримали основні лінгвокогнітивні й ціннісні характеристики. Насамперед це стосується наївного уявлення про воду як амбівалентне поняття, в якому суміщаються знання про воду-стихію та воду-речовину.